

Те самые «семицветные» обезьяны, которые поначалу лишь притворно восхищались тем, как складно он всё «выкладывал», переглянувшись, прониклись к нему искренним уважением. Им только и оставалось, что захлопать в ладоши и признать в нём своего главаря.

Увидев это, женщина-полицейский разрыдалась. Она дрожала всем телом, сдерживая рыдания, чтобы не закричать. В ней разыграл материнский инстинкт: она обогнула стол, заключила его в объятия и принялась тихонько поглаживать по спине. Её голос звучал нежно, словно ручей:

— Хороший мой, не плачь, не надо. Ну, тише, не плачь. — Она всё же не забывала о своих обязанностях. — У тебя есть другие опекуны?

Цзи Юань, уткнувшись лицом в её одежду, глухо пробормотал:

— А учитель считается?

Услышав это, женщина замерла.

— Ох, бедный ребёнок, — в её голосе слышалось бесконечное сочувствие.

Да, он вот так просто вышел. Перед тем как пришёл старик Линь, он под предлогом похода в туалет наткнулся на тех самых обезьян и свинью, которых вчера отлупил. Оглянувшись и убедившись, что полицейские не смотрят в его сторону, он тихо сказал им:

— Я же предупреждал вас. Но раз уж я вас уже побил, то Цянь Синю ничего не скажу. А вот в следующий раз... кто знает.

— Ах ты ж мать твою! Да я тебя...

— Вы что, совсем страх потеряли? Вас тут кормят-поят, а вы бунт решили устроить?

Полицейские дяди — молодцы, подумал про себя Цзи Юань. Затем он изобразил испуг, посмотрел на них жалобным взглядом и пролепетал:

— Простите, я просто хотел спросить, где туалет. Простите.

Запертые в клетке обезьяны злобно сверлили его глазами. Лишь чёрный медведь, протрезвев, понял, что дело нечисто и что они связались не с тем человеком; он пнул остальных, приказывая замолчать.

Когда старик Линь оформлял документы, он, видимо, выслушал что-то от полиции, потому что всю дорогу вёл себя как эмоциональный магнитофон: постоянно спрашивал, нет ли у парня трудностей в жизни, не нужно ли подать заявление в школу на освобождение от оплаты обучения, и так далее, и тому подобное...

Когда старик Линь пришёл, Цзи Юань уже перестал плакать. На самом деле он и не собирался

рыдать — так, всхлипнул для жалости. Но увидев реакцию женщины-полицейского, он не смог сдержать нахлынувших чувств. «Приведи своих родителей», — вспомнив это, Цзи Юань горько усмехнулся и пробормотал себе под нос: — Родителей? Да я, мать вашу, сирота.

— Что? Говори громче, учитель не расслышал. Повтори, — переспросил Линь.

— Ничего, умоляю, перестаньте читать нотации, хе-хе, — весело ответил Цзи Юань. — Учитель Линь, хватит, у меня уже в ушах звенит.

— Ну и ребёнок ты...

— Об этом — только вы и я. Больше никому ни слова, — Цзи Юань перешёл на приказной тон, но тут же осёкся и добавил: — Ладно? Учитель Линь, это ведь не повод для гордости, надеюсь, вы сохраните это в тайне.

— Хорошо-хорошо, конечно. — Он приоткрыл рот, собираясь что-то добавить, но, взглянув на печальное лицо Цзи Юаня, проглотил слова.

Цзи Бэй всё провернул чисто, не оставил на меня ни единой записи в личном деле, подумал Цзи Юань. Деньги действительно могут всё. Поздравляю тебя, ученик Цзи Юань, с вступлением в клуб сирот.

...

[Дебил]?

[Y] Что значит, как я это вижу?

[Дебил] Цзи Сюань, если ты не разберёшься с ним, сможешь ли ты спокойно быть со своим милашкой?

[Y] Отвали, дебил.

[Дебил] Не говори потом, что я не предупреждал. Цзи Сюань ещё не уехал, я видел его у магазина с говядиной, рядом двое парней. Посмотри, узнаешь кого-нибудь?

[Дебил] Отправил фото.

Цзи Сюань, Вэнь Шо и ещё один в чёрной кепке.

Хех, похоже, я зря беспокоился. Пустая болтовня. У них там, как говорится, один бьёт, другой подставляется: садист мучает мазохиста, всё логично.

[Y] Спасибо.

Цзи Юань заблокировал телефон, немного поколебался, а затем толкнул локтем Ци Лина:

— Эй, Ци Лин, есть разговор.

— А? Ты хочешь обсудить со мной дела? Серьёзно?

Цзи Юань закатил глаза:

— У меня есть две тысячи, возьми. Всё это время, пока вы ходите в школу и обратно, ты должен быть с ним, не оставляй его одного, понял? — Цзи Юань достал из кошелька две тысячи, которые ему дал старик Линь в качестве пособия на жизнь. Он несколько раз решительно отказывался, но Линь принял это за ложную скромность и настоял на своём. В конце концов, когда Линь уже начал злиться, Цзи Юаню пришлось смириться. Похоже, Линь забыл, что когда-то тот был богатым наследником.

— С кем? — спросил Ци Лин, отмахиваясь от денег.

Цзи Юань ничего не ответил, лишь стрельнул глазами в сторону Е Мэна, кивнул на него и сунул деньги в рюкзак Ци Лина.

Ци Лин всё больше недоумевал:

— Мэн-Мэн? Почему?

— Просто так. Надо — делай. Ты же звал его к себе, он отказался. Сам решай: либо он к тебе, либо ты к нему. — Голос Цзи Юаня был тихим, но взгляд — острым, словно кинжал, приставленный к спине собеседника. — И ещё, — он похлопал его по плечу, — не давай ему узнать об этом.

— О чём?

Цзи Юань посмотрел на него взглядом, полным сострадания к слабоумным:

— О том, что я приказал тебе следить за ним. Придумай что-нибудь, скажи, что он помогает тебе с учёбой. Ходи за ним хвостом, скажи, что мать пообещает купить новый телефон, если ты хорошо сдашь пробный экзамен. В общем, он не должен узнать об этой нашей сделке, иначе, детка, тебе не сносить головы. — Он говорил медленно, с приторной сладостью в голосе, но глаза при этом леденили душу. Ци Лин понял: если он провалится, дело будет куда серьёзнее, чем просто потеря головы.

— Эти две тысячи трать как хочешь, закончатся — проси ещё, — Цзи Юань отвернулся и сделал глоток воды. — Приноси чеки для отчётности. Останется лишнее — забирай себе, не хватит — я доплачу.

— Слишком много знающие люди никогда не заканчивают хорошо. — Цзи Юань посмотрел на

него, а тот всё стоял с открытым ртом, глядя на него с нескрываемым любопытством.

Только он открыл учебник, как телефон завибрировал. Увидев на экране имя Цзи Сюаня, он пришёл в ярость. Ну и прилипчивый же тип.

— Юань-Юань, неужели мы не можем встретиться?

— Возможно, это наш последний шанс увидеться. Пообещай мне, хорошо?

— Юань-Юань, поверь брату, я искренне хочу помириться.

Прочитав сообщения, Цзи Юань раздражённо взъерошил волосы и со всей силы ударил кулаком по парте.

— Цзи Юань! Ты думаешь, раз у твоей семьи есть деньги, тебе всё позволено? Я тут распинаясь, а ты болтаешь — я терпела, но теперь что это значит? Если у тебя претензии к моему уроку, вали вон! — учительница английского стучала указкой по столу.

Цзи Юань встал, отвесил максимально искренний поклон в девяносто градусов:

— Простите. — После чего вышел в коридор и встал у двери.

[Дебил] Что собираешься делать?

[Y] Цзи Сюань объявился.

[Дебил] Твою мать! Ты наконец ответил! Я весь вечер с телефоном в руках просидел! Даже от Юэляна столько сообщений не ждал!

[Y] Юэлян?

[Дебил] ...Ты не на том акцентируешь. Зачем он тебя искал?

[Y] К брату. Увидимся вечером, обсудим.

— Учитель, простите, больше не повторится. — Урок закончился почти сразу, как он вышел. Учительница английского шла навстречу, Цзи Юань держался достойно и извинился искренне. На самом деле, после его поклона гнев учительницы уже утих.

— Ничего, впредь не повторяй.

— Хорошо. — И это всё? — подумал Цзи Юань. Ну ладно, её легко задобрить.

Последним был урок математики. Молодая учительница, казалось, немного робела, голос её дрожал, когда она вызывала учеников.

— Тот... новенький, как тебя зовут? Выходи к доске, реши задачу.

Цзи Юань встал, поклонился на девяносто градусов:

— Простите, не умею. Пойду постою в коридоре. — И под всеобщими взглядами направился к выходу.

Спина у парня была прямая. Даже стоя в наказании, он не прислонялся к стене, не переминался с ноги на ногу, а стоял ровно. Футболка слегка облегала тело, очерчивая контуры мышц. Он поднял руку, взъерошил волосы, затем опустил её. Почувствовав, что выглядит глупо, сунул руку в карман, а другой начал листать ленту в телефоне.

Е Мэн смотрел на его спину и витал в облаках. Вдруг он вспомнил свои вчерашние выходки и невольно покраснел. Но ему было страшно. Обжегшись на молоке, на воду дуют.

Воспоминания двухлетней давности были всё ещё свежи. Тогда ему верил только Ци Лин.

Всю грязь о нём выдумал тот человек. Уничтожить то, чего нельзя получить — таков был его жизненный принцип.

Два года назад он был обычным девятиклассником, переживающим из-за экзаменов. Если бы время можно было повернуть вспять, он ни за что не пошёл бы с одноклассниками в караоке расслабиться.

В апреле в городе С было ещё прохладно. В рюкзаке были одни учебники. Учился он не то чтобы отлично, но и не плохо — самый неловкий средний уровень. Если бы совсем плохо — можно было бы забить и пойти в какую-нибудь захудалую школу, если бы отлично — можно было бы не переживать. А он, как назло, был середнячком, поэтому очень хотел поступить в хорошую старшую школу, благо была возможность пройти по квоте для одарённых детей.

Когда они пришли в караоке, все побросали рюкзаки и приготовились петь. В этот момент дверь распахнули незнакомцы. Один из них, постояв на пороге, рявкнул:

— Вы, твари, откуда взялись? Посмели занять мой номер? Жить надоело, а? Знаете, кто я такой?

Никто не проронил ни слова, никто не смел шелохнуться. Тогда другой парень попытался оттащить его, заглянул в комнату и сказал:

— Извините, продолжайте, он перебрал, не обращайтесь внимания, извините, простите.

Бурча что-то под нос, он утащил того прочь. Спустя время тот же человек вернулся, принёс фруктовую тарелку в знак извинения, зашёл внутрь и сел рядом с ним. В полумраке комнаты разноцветные блики падали на его лицо, а в глазах читалось что-то трудноопределимое.

— Тебя... как зовут?

— ? — В комнате было слишком шумно, он не расслышал.

Тот наклонился к самому уху, голос был низким и нежным:

— Я спрашиваю, как тебя зовут.

Е Мэн указал на свои учебники.

— Твоё имя такое же милое, как и ты сам.

Е Мэн резко повернул голову и увидел в глазах того человека своё отражение. В шумной комнате он слышал стук собственного сердца. Если бы не оглушительная музыка, он не сомневался, что умер бы от тахикардии.

Он поспешно отвёл взгляд, отложил книги и хотел было сбежать к пульту, но тот схватил его за руку и притянул к себе на колени. Наклонившись к уху, он прошептал:

— Меня зовут Чэнь Жань, ты мне нравишься. — Сказав это, он легонько чмокнул его в щёку и отпустил.

Схватив его за руку, он без лишних слов потащил его на выход. Одноклассники были так увлечены пением, что никто не заметил, как его увели.

Чэнь Жань увёл его недалеко, свернув в туалет рядом с номером. Едва войдя, он прижал парня к двери. Его взгляд, словно пламя, обжигал Е Мэна, отчего у того горели щёки. Он отвернулся, избегая взгляда, голос его слегка охрип:

— Чего ты хочешь?

Чэнь Жань видел напряжённую линию шеи, чёткий овал лица, красивые ключицы и покрасневшие от смущения щёки. У него пересохло в горле.

— Я гей. Ты мне нравишься. С первого взгляда.

Столкнувшись с внезапным признанием, Е Мэн оцепенел. Он не знал, что сказать, что сделать. Пальцы судорожно сжимали край кофты, губы были плотно сжаты.

Чэнь Жань сказал:

— Буду считать, что ты согласен. — Он склонил голову, подцепил его подбородок и вовлёк в безумный поцелуй, лишая остатков воздуха. Е Мэн пытался оттолкнуть его руками, но от нехватки кислорода сил не осталось. Тогда он поднял ногу и со всей силы наступил ему на ступню.

Чэнь Жань отстранился от боли:

— Малыш, не ожидал, что ты такой горячий. Ты мне нравишься ещё больше. — Он провёл пальцем по его подбородку, тяжело дыша, и прошептал на ухо: — Я буду скучать.

Он мой.

Вернувшись в номер, Е Мэн не увидел Чэнь Жаня — тот ушёл в свою комнату.

— Ну что, уломал? — спросил тот самый, что притворялся пьяным у их дверей.

Чэнь Жань пожал плечами, на его лице застыло поражение:

— Господин Тан, не спрашивай. Я ещё и по ноге получил.

Господин Тан скользнул взглядом по его паху и сально усмехнулся:

— О, так господин Чэнь ещё может сегодня гульнуть?

Поймав его пошлый взгляд, Чэнь Жань оживился:

— Ой, прости, он просто наступил мне на ногу, а не раздробил хозяйство. Разочаровал я тебя.

— Твою мать! Да я... ладно, забей. Ну и как, тот мелкий не похож на буйного. Рассказывай, чем ты его так разозлил?

— Просто обнял, чего ещё.

— Чё? Изнасиловал? Не ожидал от тебя, Чэнь Жань, такой прыти!

— Отвали, я имел в виду объятия, идиот.

— Да-да, объятия, конечно, ха-ха-ха! Какой же ты ссыкло, не узнаю тебя.

— Я ещё и поцеловал его. Французский поцелуй.

— Пф! — Тан поперхнулся пивом. — Кхе-кхе-кхе, вот это, кхе-кхе, уже больше похоже на Чэнь Жаня.

— Подавись ты. Найди кого-нибудь, пусть проследят за Юдэ.

— Само собой.

А Е Мэн тем временем всё ещё не мог прийти в себя, пока его не позвали петь.

— Эй, Мэн-Мэн, твоя песня.

— О! — Е Мэн вздрогнул. — Спасибо.

— Роза окружена шипами, может, и башня жаждет объятий, на мордах дельфинов всегда улыбка...

— Мэн-Мэн поёт так красиво, не то что вы, воете как привидения.

— А сама-то? Совести нет!

— Да ну тебя...

— Привет, это снова я. Мой друг пришёл извиниться. — Чэнь Жань, прислонившись к дверному косяку, сунул руки в карманы и подтолкнул вперёд того «пьяницу».

— Простите, ребята, я тут виноват, хочу загладить вину.

— Ничего, всё в порядке, — ответили одноклассники, улыбаясь, хотя на самом деле дрожали от страха.

Они вальяжно вошли и на глазах у всех расселись.

— Если всё в порядке, не против, если мы попоём вместе? Наше время вышло, а продлевать не стали.

Ребята переглянулись в ужасе и медленно кивнули.

Лишь Е Мэн, казалось, спокойно допел песню, после чего развернулся и ушёл, даже не забрав рюкзак — Чэнь Жань сидел прямо рядом с ним. В мерцающем свете ламп он увидел, как Чэнь Жань, не отрывая глаз, с улыбкой смотрел на него. Тот даже не подумал отвести взгляд, а вместо этого послал ему воздушный поцелуй.

— Эй, твой малыш поёт неплохо, да и почерк у него ничего.

— Тан Цюань, — Чэнь Жань взял его учебник, поглаживая пальцами имя Е Мэна.

Тан Цюань задумался:

— Твою мать, ты серьёзно?

— Угу. — Чэнь Жань согласно кивнул.

— Брат Жань, подумай хорошенько, твой отец...

Тан Цюань осёкся, но он прекрасно понял, о чём речь. Сын мэра города Х, семья со своими особенностями. С тех пор как он совершил каминг-аут, его постоянно преследовали, а старик Чэнь чуть не запер его в четырёх стенах. Чтобы вырваться из-под опеки, Чэнь Жань перепробовал всё, а в итоге воспользовался советом Тан Цюаня: специально завалил экзамены, и его приняли только в один вуз — в городе С.

— Если бы ты тогда потерпел и признался семье уже после отъезда за границу, не было бы

сейчас таких проблем, — это была фраза, которую Тан Цюань повторял ему чаще всего.

— Поймали на горячем, что теперь поделаешь.

— Такой славный парень этот Мэн-Мэн, просто...

— Тан Цюань, ты нарываешься?

— Нет, я просто... ладно, проехали, — Тан Цюань помолчал. — Твой малыш ушёл, не пойдёшь догонять?

— Не надо, я ведь уже знаю, в какой он школе и в каком классе.

Чэнь Жань и Тан Цюань заказали ящик пива. Дети смотрели на них с вожделением.

Тан Цюань:

— ...Старик Чэнь, ты как на это смотришь?

Чэнь Жань:

— Хотите? — он помахал бутылкой.

— Чёрт, у тебя есть хоть капля совести? Они же несовершеннолетние.

— Брат, мы только глоточек, учёба так давит, мы не будем злоупотреблять.

— Вы все одноклассники Е Мэна? — спросил Чэнь Жань, разливая пиво.

— Да, я сижу с Мэн-Мэном, меня зовут Ян Цзянь.

— О, Эрлан-шэнь, — усмехнулся Тан Цюань, — родители у тебя с юмором. Подойди, дай глянуть, есть ли у тебя третий глаз.

Ян Цзянь испуганно посмотрел на него.

— Идиот, ты пугаешь ребёнка, иди возьми свой стакан, — сказал Чэнь Жань, пододвигая бокал.

— Тот... — голос Ян Цзяня дрожал.

— М? Что такое? — Чэнь Жань склонил голову.

— А Мэн-Мэн...

— Он ушёл, вы разве не видели? — Чэнь Жань ответил совершенно спокойно, без тени смущения.

Тан Цюань:

— А вы двое, как вас зовут? — Он почувствовал, что атмосфера накаляется. — Идите сюда, садитесь, выпьем, давайте. — Он похлопал по дивану.

— О, точно, зовите меня брат Цюань, а это брат Жань, — он похлопал Чэнь Жаня по плечу. — Есть номер вашего одноклассника? Пусть вернётся за рюкзаком.

Трое ребят не смели пошевелиться, стоя у караоке-аппарата. Тан Цюань не выдержал, взял бокалы и подошёл к ним:

— Вы что, короли? Брат Жань сам наливает, я сам подношу.

После пары глотков ребята осмелели, отвечали на всё подряд, а если чего не знали — придумывали на ходу.

Так Чэнь Жань узнал номер Е Мэна, а в конце просто бросил трёх его одноклассников вместе с четырьмя рюкзаками в отеле.

— Слушай, брат Жань, твой малыш, кажется, пользуется популярностью. — Выйдя из отеля, Тан Цюань закурил и затянулся. — Задушиться можно, при этих мелких даже курить боялся, чтобы не надымили.

— А меня, мать твою, не боишься накурить?

<http://bllate.org/book/22523/2378809>